

"Underclass", или социальное дно России

Термин "underclass" в последнее время стал все чаще появляться на страницах социологической литературы в нашей стране и в странах Восточной Европы. Он заимствован из западной, особенно американской социологии и журналистики, и обозначает маргинальные социальные группы (бездомные, мигранты, хронические безработные), которые лишены доступа к признанным статусам в системе разделения труда и имеют ценности, отличные от основных общественных ценностей. Это понятие на Западе является дискуссионным, но тем не менее оно популярно среди консервативно настроенных политиков, обществоведов, вообще людей, которые склонны объяснять бедность и социальную изоляцию определенными качествами индивидов, их трудовыми ценностями, культурой, особой ментальностью и т.д.

В своем выступлении я бы хотела рассмотреть проблему андеркласса, или, если пытаться подобрать более подходящий для нас термин, застойного социального дна, в современных российских условиях, и сделать это на примере положения бездомных. Я и мой коллега Вадим Журавлев провели качественное исследование московских бездомных (выборка 50 человек), используя метод биографического интервью, а также опросили ряд работников государственных организаций, правоохранительных органов, благотворительных фондов, которые непосредственно имеют дело с бездомными. По нашему мнению, мы имеем дело не с возникновением андеркласса, а с маргинальными индивидами, подвергающимися активной стигматизации.

Проблема бездомности, на мой взгляд, хорошо иллюстрирует тему наличия или отсутствия андеркласса, поскольку это не только и не столько проблема физического отсутствия крыши над головой, стало быть, и не столько проблема жилищной политики, строительства и т.д. Бездомные — это люди, лишенные социальных ресурсов, связей, статусов. То, как общество воспринимает таких людей и как оно относится к ним, является очень показательным. В нашем случае оно на всех уровнях само активно формирует социальное дно, стигматизируя бездомных и лишая их тем самым возможности reintegrироваться в общество.

Первая группа причин, которая является наиболее распространенной, — это попадание в места лишения свободы. Трудности, кстати, теперь увеличивающиеся, с устройством на работу после освобождения, невозможность, вплоть до 1991 г., после выхода из заключения вернуться в целый ряд городов, включая Москву, — все это непосредственно приводило к бездомности. В том случае, если бывший зэк, несмотря на запреты, все же пытался возвратиться, например, в Москву, где он имел семью и возможности для проживания, он рисковал вновь оказаться за тюремной решеткой, теперь уже за нарушение паспортных правил. Судя по официальной статистике тех лет, именно пенитенциарная система порождала наибольшее количество бездомных в СССР. Хотя ситуация сейчас в этом смысле изменилась, до сих пор люди, оказавшиеся ранее без крыши над головой, составляют, по экспертным оценкам, 70—80% бездомных.

Помимо очень частой утраты связей с родственниками, потери жилья, одним из существенных последствий пребывания в местах лишения свободы является утрата элементарных социальных навыков, необходимых для успешной адаптации на воле. Этот процесс, на наш взгляд, был ярко описан одним из респондентов: "Когда человек сидит в тюрьме, он как бы отвыкает от самостоятельности. Подъем — его поднимут, поесть — его отведут. В баню его заведут. Белье ему сменяют. На работу отведут, с работы приведут. В общем, там у него происходит своего рода деградация. И когда выходишь на волю, теряешься во всех этих коридорах. Надо что-то творить, что-то себе создавать. А у человека просто опускаются руки. А в итоге — очередная судимость. Потом опять очередная".

Другая группа ситуаций связана с семейными конфликтами. Люди с совершенно нормальным воспитанием, работой, вполне разделяющие доминантные ценности общества, в силу каких-то причин принимают решение прекратить семейную жизнь. В некоторых случаях это решение чисто ситуативное: "Я думал, два-три месяца проживу такой жизнью... Если бы мне сейчас сказали, что так получится..." Некоторое время, как правило, уход из дома не сказывается на его статусе: он поселяется у друзей или переезжает, находит работу, временное жилье. Но это достаточно зыбкое состояние, и достаточно небольших неурядиц (например, потеря документов, увольнение с работы), чтобы в его жизни наступили серьезные осложнения. Человек оказывается на улице. Он пытается работать, находит временные заработки (моет вагоны, собирает бутылки), надеясь, скажем, накопить деньги на билет, купить чистую одежду. Но две-три недели жизни на вокзале — и его не отличить от бездомных со стажем: он покрыт вшами, на нем грязная одежда. Отношение окружающих резко меняется. Бездомный становится изгоем, и он сам усваивает новую социальную роль. Его самоидентификация также претерпевает радикальные изменения. Как сказал наш респондент, два месяца назад ушедший из дома: "Я же ушел из дома, на мне было все чистое. А когда начинает одежда пачкаться, ты чувствуешь... люди тебя презирают. Я потерянный человек". Даже если человеку временно удастся одеть чистую одежду, привести себя в порядок, он все равно несет на себе стигму

— внутри. Как сказала другая респондентка: "Внешне меня не отличишь от остальных, а в душе я — бомж".

Третья группа обстоятельств связана со сделками с жильем. По свидетельству работников московского приемника-распределителя, жертвы преступных махинаций в области жилья составляют наиболее активно растущую категорию бездомных. Жертвами становятся либо социально незащищенные группы (старики, психически больные люди, алкоголики), либо, напротив, молодые мужчины, пытающиеся заниматься коммерцией, которых вынуждают отдать жилье в уплату долга. Процесс стигматизации этих людей происходит так же, как и в предыдущей группе.

Четвертая группа факторов связана с миграцией. К таким мигрантам относятся беженцы и экономические мигранты. Беженцы, как правило, сильно отличаются от других бездомных. Они обычно приезжают со своими семьями, образуют диаспоры, осуществляют взаимоподдержку. Несмотря на враждебное отношение местного населения и отсутствие помощи со стороны властей, они не так сильно страдают от стигматизации. Они, как правило, активно пытаются решить свои проблемы, найти работу или, если это невозможно, эмигрировать. Тем не менее отдельные люди, наиболее социально слабые, могут оказаться на улице и влиться в ряды маргинализированных бомжей.

Экономические мигранты — это, чаще всего, гастарбайтеры из Украины, Белоруссии, Средней Азии. Как правило, они никого не знают в городе, часто работают нелегально, без прописки или регистрации, и любое несчастье (потеря паспорта, ограбление) может привести к потере жилья. Эти люди могут иметь родственников в месте, откуда они приехали, даже дом, но очень часто гордость заставляет их искать решение проблем самостоятельно. Оказавшись на улице, они переживают постепенную деградацию, и ситуация становится неразрешимой.

Отведенное мне время не позволяет остановиться на других обстоятельствах, приводящих к бездомности, — воспитанию в детском доме, побегу от родителей, стихийным бедствиям, пожару и т.д. Основные психологические процессы, происходящие с этими людьми, когда они лишаются дома, сходны. Невозможность больше использовать социальные ресурсы, обращаясь к родственникам и друзьям, недоверие к властным институтам, экстернализованный локус-контроль, фатализм, невозможность планирования собственной жизни, алкоголизм, болезни — все это приводит к физической и психической деградации. Если таким людям не оказать социальную помощь на ранней стадии их бездомности, возможность ресоциализации становится очень ограниченной. Вместе с тем очень многие бездомные, особенно с недавним стажем бездомности, на наш взгляд, вполне могли бы выйти из своего положения.

В интервью мы задали ряд вопросов по самоидентификации, в том числе попросили своих респондентов дать ответы на открытый вопрос: "Кто я?", охарактеризовать любые свои качества, социальное положение и т.д. Ответы разбились на две категории. Первая категория ответов была связана с принятием вины за свое положение и указывало на принятие социального статуса. Это такие отве-

ты, как "я — потерянный человек", "ниже меня нет". Такого рода ответы, как правило, коррелируют с отказом от попыток устроиться на работу, восстановить документы, словом, изменить свое положение. Однако часть ответов связана с отказом от маргинальной идентичности — люди говорят: "я средний", "я — такой же, как все", или "я смогу выбраться из этой ямы", "я устрою свою жизнь". Ни один из респондентов не сказал о себе как о романтическом бродяге или сознательном аутсайдере.

Сейчас, по данным экспертов, число бездомных только в Москве составляет 120 тыс. человек. Число их, при возросшей безработице, сокращении жилищного фонда предприятий, усилении миграции, будет расти.

Возможность решения любой социальной проблемы зависит во многом от того, как она ставится в средствах массовой информации, от того, какие социальные институты ею занимаются. Сейчас проблема бездомности по-прежнему воспринимается как проблема девиантного поведения, а не как следствие социальной дезинтеграции и отсутствия адекватной социальной защиты. Несмотря на Указ Ельцина, подписанный в октябре 1993 г., по которому основным ведомством, ответственным за бездомных, должно было стать Министерство социальной защиты, по-прежнему основную работу здесь проводит МВД. Почти не создано центров социальной реабилитации, ночлежек, приемников-распределителей. В Москве на весь город есть одна ночлежка на 24 человека.

МВД, естественно, совершенно не приспособлено для решения проблемы бездомности. Основная забота органов — чтобы бездомных не было на подведомственной им территории. Поэтому они пытаются дубинками выбить бездомных с вокзалов, из подъездов, переправить в другую местность. Порой милиция дает удивительные советы "своим" бомжам — рекомендует им отправиться из провинциальных российских городов в Москву, где они будут менее заметны, или даже идти воровать, вместо того чтобы попрошайничать, — "иди, лучше, бабка, воруи", как сказал участковый милиционер нашей респондентке, которая сидела и побиралась у церкви, расположенной на его территории.

Средства массовой коммуникации изображают фигуру бомжа скорее как анекдотическую, чем трагическую. Отношение к ним можно назвать инфантилизацией — это несамостоятельные люди, не умеющие и не желающие нормально жить, работать, существующие за счет окружающих.

Стигматизация со стороны общества, с одной стороны, и объективные социально-экономические процессы — с другой (растущая безработица, социальное расслоение, возникновение застойных в экономическом отношении районов), может привести к тому, что бездомные, безработные, другие маргинальные слои образуют устойчивое и достаточно широкое социальное дно, зону хронической общественной патологии. В таких условиях наблюдаемое сейчас явление маргинализации и социального исключения может превратиться в феномен андеркласса.